

© 2004 г. Е.Ю. ИВАНОВА

О ПЕРЦЕПТИВНОСТИ НОМИНАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В исследованиях лингвистов Московской семантической школы (Ю Д. Апресян, Е. В. Падучева, Г. И. Кустова и др.) понятие перцептивности связывается со смысловой составляющей некоторых слов и конструкций, которые подразумевают присутствие в семантической организации высказывания субъекта восприятия – Эксперимента (Экспериментера) и, в частности, фигуру Наблюдателя. Эта фигура, однако, несколько отличается от того субъекта восприятия, который обнаруживается традиционными лингвистическими методами в номинативных предложениях (НП). В статье ставится задача соотнесения этих двух трактовок и делается попытка взглянуть на НП с учетом новых методов выявления перцептивных компонентов языка.

1. В многочисленных исследованиях номинативных предложений всегда так или иначе отмечается способность этих построений представлять объекты или действия как наблюдаемые, как воспринимаемые по тем или иным перцептивным каналам. *Утром, как всегда, он вышел из дому, чтоб по знакомой улице Жан-Поля Марата шагать в школу Береза, старый пенёк, продавленная дорога, бабка Знобишина, тянущая на веревке упирающуюся козу* (В. Тендряков), *Олеся снова открывает мне дверь, и я не знаю, рада она моему появлению или нет Недорезанные салаты на кухонном столе; шум воды в душе; смогу ли я починить уют? – в нем что-то случилось, взвизги и смех в закрытой комнате; огромная кастрюля с бигуди на плите Прижимая к груди платье, девушки поминутно проносятся мимо кухни, где сижу я и чищу картошку* (И. Кочергин). Этот эффект перцептивности (или, по выражению И. И. Ковтуновой, "рождение образа непосредственного восприятия" [1986: 156]), возникающий в результате употребления данной конструкции, объясняется некоторыми грамматическими особенностями НП.

1.1. Бытийный аспект перцептивности связывается с фиксацией предметов и явлений в некотором пространственном фрагменте. Это обеспечивается в НП морфологически – **субстантивом**, который способен вводить не только предметные сущности, но и представлять явления как объекты восприятия, как субстанции [Уфимцева 1977: 39, Бондарко 1984: 65], и синтаксически – **номинативной формой** в независимой синтаксической позиции. Такая грамматическая оформленность имитирует процесс восприятия, при котором объект выделяется на некотором фоне и понятийно определяется по основным интегральным признакам.

1.2. Другой источник эффекта перцептивности НП выводится из значения **настоящего времени**, которое "обозначает действие, происходящее к а к б ы на глазах у говорящего" [Золотова 1982: 323], благодаря чему создается иллюзия наблюдаемого процесса [Бондарко 2001: 129–130]. Это значение наблюдаемости максимально выражено в НП, не включающих в свой состав обстоятельственный компонент. Эффект присутствия субъекта речи на месте описываемого события и в момент события формируется невыраженностью (опущением или переносом в контекст) координат места и времени, что создаст измерение "здесь – сейчас – в поле зрения воспринимающего". *Она выдвинула ящик Тетради, чертежи, заметки...* (И. Грекова),

Бочаров шел по городу. Синее небо. Яркий снег (В. Токарева). Тот же самый перцептивный эффект возникает и при умолчании временных и пространственных координат в инициальных номинативах: *Ночь, улица, фонарь, аптека, Бессмысленный и тусклый свет...* (А. Блок).

Номинативные построения, как известно, демонстрируют явление синтаксического времени. Время в НП не самостоятельно, оно включено во время контекстуальное, и эта привязка к временному плану других высказываний также позволяет достичь эффекта "непосредственности" восприятия, т.е. восприятия объектов в тот момент, в который происходит действие, выраженное в предшествующем (обычно) предложении. Другими словами, настоящее время в НП маркирует «точку пересечения бытия предмета и восприятия его в "данный момент" наблюдателем» [Золотова 1971: 89]. Это "настоящее антропоцентрическое", т.е. не объективное время существования предмета или явления, а субъективное время восприятия (или актуализации в сознании) образа этого предмета [Проничев 1991: 24].

1.3. В НП с событийными существительными эффект перцептивности связывают с результатом **устранения субъекта**, особенно при сравнении их с глагольными односоставными: *В комнате шумно/шумлятишум*. Замечено, что невыраженность субъекта, уводя от идеи производителя действия, концентрирует внимание на действии [Гак 1976: 99–100]. Еще более значимым для эффекта "наблюдаемости" оказывается устранение субъекта, воспринимающего это действие, так как эффект расширения "рамки наблюдения" включением в нее рассказчика отмечается прежде всего в ситуации восприятия при формальной невыраженности основных компонентов перцептивной ситуации [Казаков 1994: 86–87].

Стереоскопический эффект НП, их способность раздвинуть "рамку наблюдения" погружением в чужое сознание служит основой литературоведческого понимания номинативных конструкций как лирического средства, поскольку в процесс восприятия оказывается вовлечен и субъект перцепции, и повествователь (если он не совпадает с субъектом восприятия), и читатель.

Эти традиционно выделяемые источники перцептивного эффекта НП изучены и лингвистикой, и литературоведением достаточно хорошо.

2. Между тем, в современных семантических исследованиях о перцептивности говорят в связи с **экспериментальной составляющей** ряда лексем и оборотов языка, более всего – в связи с фигурой Наблюдателя. Как соотносится эта фигура с тем эффектом стереоскопичности, о котором шла речь применительно к НП? Чем могут быть полезны поиски перцептивных смысловых компонентов в аспекте изучения номинативных построений?

В концепции Е.В. Падучевой [1998а; 1998б; 2000; 2001] Наблюдатель – это синтаксически не выраженный участник ситуации, Эксперимент в коммуникативном ранге Нуль. Предполагается, что "фигура наблюдателя возникает из семантики некоторых слов и категорий предложения – а не из контекста речевого акта, как говорящий" [Падучева 1996: 267]. Так, глагол *показаться* в классическом примере *Из-за тучи показалась луна* содержит указание на наблюдателя как компонент своего толкования: "возникнуть в поле зрения лица". Наблюдатель легко появляется в результате диатетического сдвига при глаголах восприятия, ср. *Эксперт обнаружил присутствие в теле яда* и *Раскрытый рот обнаружил много золота*, где диатетический сдвиг уводит субъекта восприятия "За кадр", в Наблюдатели с нулевым коммуникативным рангом.

Наблюдатель входит в толкование некоторых видов перцептивных наречий, предлогов (*издалека, за, перед* и др.), семантика которых предполагает, что "пространственная ориентация предметов релятивизована восприятием наблюдателя" [Апресян 1995: 642]. Фигуру Наблюдателя выявляют также в быгтийных конструкциях, которые, как известно, в нейтральном коммуникативном варианте строятся с перспективой от Места к Вещи [Borschev, Partee 1998], и как раз локативный компонент

может наиболее естественным образом содержать в себе пространственный ориентир для Наблюдателя. Так, фраза *Перед ним стоял большой боровик* предполагает, по выражению Ю.Д. Апресяна, статичного внутреннего наблюдателя, который "является неустрашимым ориентиром для мысленного расположения всех остальных участников в пространстве" [Апресян 1999: 50].

3. В аспекте изучения НП нам важен последний пример как та исходная бытийная логико-синтаксическая структура, которая при неполной речевой реализации представлена безглагольным (номинативным) предложением – с локализатором или без него [Арутюнова, Ширяев 1983]: *В доме была суета. – В доме суета. – Вошел в дом. Суета, крики; На столе были цветы, подарки. – На столе – цветы, подарки. – Взглянул на стол. Цветы, подарки.*

3.1. Рассмотрим сначала перцептивные возможности бытийных безглагольных предложений с локализатором: *В доме шум; В Крыму засуха; В стране беспорядки; На грядках цветы; Возле магазина большая лужа.*

Если вывести фигуру Наблюдателя из перцептивных смысловых компонентов (то есть при более узком понимании, см., например, работы Е.В. Падучевой), не все бытийные предложения с их перспективой от Места к Вещи, в том числе безглагольные их реализации, могут быть истолкованы с наблюдающим участником. В предложениях *В Крыму засуха; В Чечне война; В стране беспорядки* ни одна из составляющих не включает в свое толкование перцептивный компонент, хотя устраненный агент порождает здесь тот эффект, который происходит из особой концептуализации события говорящим. Не всегда есть лексические маркеры перцептивности и в предложениях с предметными именами: *На грядках цветы; Возле магазина большая лужа.* Если здесь и предполагать "позицию... скромного наблюдателя" [Янко 2001: 317], то только за счет семантики "расположение в пространстве", обильной для предметных "локус"-предложений.

Другое дело, когда в предложение включена перцептивно-ориентированная лексика. Анализируя примеры *За дверью детский крик и беготня. За дверью беготня и крик*, Г.А. Золотова отмечает: "...эти субстантивные модели не могут быть ответом на вопрос о том, что делает субъект. Они сообщают о том, каким видит и слышит воспринимающее лицо наблюдаемое им пространство" [Золотова и др. 1998: 166]. Здесь "воспринимающее лицо" – это и есть Эксперимент в роли Наблюдателя, но за счет чего создается этот смысл? Понятно, что не за счет выбора перспективы от обстоятельственного компонента к событию и не за счет устранения субъекта действия, поскольку такая же организация и у предложений типа *В стране беспорядки.*

Именно наличие перцептивных компонентов в семантике слов и конструкций, составляющих предложение, обеспечивает фигуру Наблюдателя в трактовке Московской семантической школы. В примере *За дверью беготня и крик* перцептивная лексика – это названия акустически воспринимаемых явлений, но важнее, пожалуй, локализатор со значением преграды *за дверью* как ориентир для расположения наблюдающего субъекта; в таком контексте даже имя действия *беготня* прочитывается как звуковое явление.

Таким образом, само по себе построение с начальным локализатором, хоть и меняет перспективу высказывания, задавая иные коммуникативные ранги участникам ситуации, но Наблюдателя в узком смысле автоматически не создает. Оно, однако, обеспечивает синтаксические условия для возникновения этой фигуры, ведь естественное всего воспользоваться начальной и тематической позицией в предложении, указывая пространственные ориентиры наблюдающего участника.

Введение фигуры Наблюдателя позволяет решить и другие спорные вопросы из области бытийных безглагольных предложений, например толкование сочетаний временных детерминантов с предметными именами: *Вдруг тучка* (Г. Новожилов); *Вот сейчас откуда-нибудь – остро-насмешливый угол поднятых к вискам бровей*

и темные окна глаз... (Е. Замятин). Здесь неожиданность появления относится не к объекту или этапам его бытия, а к восприятию объекта скрытым участником (см. наблюдения Г.А. Золотовой [1971: 88] и анализ перцептивных наречий в [Кустова 1998: 34]). Ср. также примеры с детерминантом, указывающим на повторение перцептивной ситуации: *Затем четыре года еще в одной шараге "оборонного комплекса"...* *Господи, во имя чего? Опять небритая вохра, с сонно-подозрительными взглядами, решетки на окнах КБ, колючая проволока поверх забора* (В. Ларин); *За окном стороной прошумела ранняя машина... И опять напористая машина как дальний буревой порыв ветра* (В. Тендряков).

3.2. Вернемся к безглагольным бытийным предложениям без обстоятельственного компонента. Устранение локализатора имеет важное грамматико-стилистическое последствие: НП предполагает присутствие говорящего на месте события, напр.: *Вот мы и в Крыму. Море, солнце, песок; Столица Молдавии. Беспорядки, толпы людей на улицах, митинги; Мы вышли из магазина. Большая лужа.* Предложение *Они приехали в Крым. Море, солнце, песок* возможно только как передача чужого сознания. Локализатор, перемещаясь в предтекст, перестает быть лишь местом расположения объектов или "ареной" событий, он одновременно становится и пространством восприятия говорящего. Тем не менее, объяснить эффект "наблюдаемости" только сдвигом локализатора явно недостаточно. Оказывается, что его перемещение или отсутствие не всегда задает фигуру Наблюдателя: *...в комнате курить нельзя – Юрик* (Н. Катерли); *Домой он никого не приглашал: неприветливая мама, дедушка, всегда неприбранный. И, главное, проходная комната* (Н. Толстая); *Зарядка, прогулка и – научные труды! Я бы так жил, если было б возможно* (В. Попов).

Для перцептивного эффекта необходимы специальные средства, создающие ситуацию восприятия.

3.2.1. Ситуация восприятия может обеспечиваться специфическим набором лексики в НП. Прежде всего это, конечно, имена состояний и тех явлений, которые могут восприниматься слухом, обонянием или как-то иначе: *"Конференц-зал", – прочитал Андрей Николаевич и сел у двери. За нею – совещались. Приглашенный рокот голосов, скрип передвигаемых стульев, запах ароматизированных сигарет – та самая пауза, когда всем становится ясно: пора кончать, пора* (А. Азольский); *Постепенно в темноте салона все умолкают... Сопенье, запах прелой одежды...* (В. Попов); *Голос повторил свой вопрос..., подождал. Потом – сонный вздох, скрип постели, молчанье – и снова – медленно разбегающийся храп* (В. Набоков); *Она проводила лезвием ножа о шершавую цементную стенку крыльца то с одной стороны, то с другой. Долгий, скребущий звук* (Ф. Искандер).

Перцептивно-ориентированной лексикой являются также те существительные – имена конкретных действий, которые предполагают обязательную наблюдаемость процесса: кивок, жест, взмах. Например: *Таможенник... внимательно смотрит на экран. ...Я смотрю как в кино. Кивок носильщику... Губастый приподнял темные очки, встретился взглядом с таможенником. Еще кивок* (И. Муравьева); *Решительный поворот на каблуке* (В. Тендряков); *Дочери не хотел рассказывать, но все равно проговорился (трудно в себе держать). Чертыхаясь, поведал о приключении. И что? Раздраженное пожатие плеч: как так можно?* (Е. Шкловский).

3.2.2. Если лексика НП не содержит смыслового перцептивного компонента, то номинатив может истолковываться как название объекта восприятия в специальном перцептивном контексте. Именно таким способом вводятся НП с предметными именами, которые не относятся к перцептивной лексике, а потому вне контекста восприятия не могут создавать фигуру Наблюдателя.

Какие средства контекста задают перцептивную ситуацию? Во-первых, конечно, предикаты восприятия, но чаще не чисто перцептивные: *Ложусь на лед и гляжу. Хрупкие кристаллы, узорное кружево...* (Б. Екимов), а с той или иной динамической составляющей: *Она продолжала озираться. Песок, дальние песчаный скат, оброс-*

ший лесом. Ни души кругом (В. Набоков), в том числе с экспликацией "инкорпорированного" участника ("глаза", "взгляд") [Падучева 2001: 26]; *Московский дворик перед глазами – деревянные скамейки, высокая блестящая трава, одуванчики на ломающихся, с горьким белым соком трубочках* (В. Попов).

В принципе, свойства предикатов соответствующей семантики (зрения, ощущения и т.п.: *видеть, взглянуть, принахаться*) и эквивалентных им оборотов (*поднять глаза, остановить взгляд*) исследовались и ранее, например [Кириллова, Примова 1988], но в данное время изучается их способность организовывать ситуацию восприятия с разным коммуникативным рангом Эксперимента – от высшей синтаксической позиции подлежащего до ухода в позицию "За кадр", см. например [Падучева 2000]. В совсем новом аспекте видятся и другие участники ситуации, организованной перцептивными глаголами: объекты восприятия, преграды, локализирующие обстоятельства. И в этом смысле контекст, сопровождающий НП, может предложить много интересного.

Прежде всего отметим, что предикаты восприятия, вводящие НП, имеют закрытые обязательные валентности, и заняты они наименованием перцептивного пространства как "вместилища" для перечисляемых далее предметов (*смотреть в окно, заглянуть в сумку*): *Сидит и смотрит в окно – двор небольшой, машины, песочница, мусорные баки, грай ворон – весенний, азартный...* (Е. Шкловский); *Я поднимаю сумку, заглядываю внутрь. Осколки бутылок, вода, во всем этом плавает хлеб и пачки масла* (В. Токарева). Впрочем, в художественном тексте предикаты восприятия часто опускаются. Их функцию берут на себя глагольные сочетания конкретного действия, которые предваряют перцептивный процесс. Они "вбирают в себя" семантику отсутствующего звена [Грамматика 1970: 738].

Как мы увидим далее, для создания ситуации восприятия важны не столько перцептивные глаголы, сколько любые средства, которые хоть как-то указывают на изменение обзора, появление нового перцептивного пространства, новой ситуации, благоприятствующей восприятию: *В такси мы ехали замкнутые каждый в себя. Устремленный в пространство профиль, взметнутая в напряжении бровь, в углу сжатого рта неуспокаивающийся живчик* (В. Тендряков).

Хотя в художественной речи изменение пространства восприятия может быть обозначено в самой причудливой форме, тем не менее эти маркеры могут быть выявлены. Рассмотрим в качестве примера способы создания наиболее обычной для НП ситуации зрительного восприятия.

3.2.2.1. Смена поля зрения происходит в результате **перефокусировки внимания** с использованием предикатов перемещения взгляда (*взглянуть, поднять глаза, остановить взгляд*) или движения тела, головы (*обернуться, оглянуться, повернуть голову*): *Я поднял на него глаза. Морщины, собранные на лбу, под сияющим черепом, брови, сведенные над хрящеватым носом, глубокие складки в углах сплюснутых губ...* (В. Тендряков); *Сургеев осторожно оглядывался. Однокомнатная квартира, достаточно просторная для холостяка, не обремененного книгами. Здесь же самодельные книжные полки подпирали потолок, сужая и придавливая пространство* (А. Азольский).

3.2.2.2. Изменение перцептивного пространства осуществляется в ситуации **перемещения субъекта восприятия**. Она задается:

а) предикатами движения при перечислении объектов, попадающих в поле зрения движущегося субъекта: *Уходим тем же путем, что пришли: вниз по деревянной лестнице. Мостик. Кладбище. Церковь* (В. Токарева); *Вечером она идет по указанному адресу. Приземистый двухэтажный дом старой постройки... Внизу – аптека и часовая мастерская. Еле светит пыльная лампочка, освещая лестницу. Стертые каменные ступени. Расшитые перила. Площадка. Дверь* (В. Панова).

Разумеется, такая цепочка может включать не только зрительные объекты, но и другие перцептивные явления: овещественные признаки окружающей среды (туман, изморозь, дымка), ощущения, фиксируемые органами обоняния и слуха (гарь,

лязг и под.): *А когда пронесется, отшумев, веселый голубой день, дядя Паша вылезает из подвала и бежит назад: послевоенный трамвайный лязг, дымный вечерний вокзал, гарь, заборы, нищие, корзинки...* (Т. Толстая); *...мы обреченно и сосредоточенно помчались по направлению к Юрию Долгорукому. Тусклые фонари. Изморозь. Легкая дымка грядущей зимы. Неправдоподобный свет витрин* (Б. Окуджава).

При опущении этих предикатов ситуация перемещения задается любыми косвенными указаниями на процесс движения: *Двери за мной закрываются – одна, другая. По спине пробежал холодок. Второй этаж. Звонок. Решетка* ("Московский комсомолец");

б) предикатами завершеного движения к месту, откуда открывается новый вид (выйти на балкон, войти в комнату, выйти из дома, остановиться у окна): *Приводят в отделение. Скамейка. Перед ней стол, покрытый почему-то линолеумом* (В. Попов), а также с пропуском этих смысловых звеньев: – *Иди, мойся. Пар, зеркало запотело. Полная ванна, вода горячая, зеленватая...* (В. Попов); *После церкви отвожу его домой: "Нет, уж пойдем, Толя". Квартира в сталинском доме, две комнаты, запустение, запах, что-то недоеденное на столе, засохшее на клеенке, незастеленная кровать* (А. Найман).

3.2.2.3. Изменение обзора происходит в результате **устранения** некоторой преграды (ср. понятие "устраненного препятствия" в [Падучева 1998б: 25]), в художественной речи обычно обозначаемой косвенно: *В коридоре – ночная пустота; ежась от холода, вышел в тамбур, впустил в вагон несколько нахохленных от мороза пассажиров. Казенное здание вокзала, облезлый ларек, спящие туда-сюда черные фигуры. Никитин потянул на себя дверь, чтобы запереть, отгородиться от этой унылой картины* (О. Ларин). О снятой преграде "дверь" мы узнаем благодаря указанию на вновь восстановленную преграду (*потянул на себя дверь*), что служит читателю подтверждением правильности его понимания ситуации восприятия: взгляд на вокзальную станцию из двери открытого тамбура.

Ситуация снятия преграды может быть намечена с помощью контекста, задающего ситуацию "освобождения", "расчищения" места обзора: *Я остался один за столом. Розовый, влажный квадрат прессованной ветчины, сыр швейцарский целым куском на фаянсовой доске, хлеб, тонко нарезанный* (Г. Бакланов); *Он пошарил под диваном, куда закатились часы. Одиннадцать* (В. Набоков).

В качестве преграды для восприятия часто выступают закрытые емкости. Перцептивная ситуация связывается в таких случаях с обнаружением содержания данного "вместилища": *Она быстро выдернула ящик. Рыжий портфель* (В. Набоков); *Розовыми пальчиками малой развернул серебристую фольгу. Комочки гашиша* (С. Шаргунов); *Я сунул дрожащую руку в карман за бумажником. Только песок!* (В. Попов); *Она одну за другой открывала на плите крышки. Вермишелевый суп... Кусок мяса из супа отдельно как гарнир к холодной картошке* (Г. Щербакова); *Антон Петрович вскрыл конверт. Сто марок и больше ничего* (В. Набоков).

Устраненное препятствие – это и проникновение света, возможное как результат направленных на это действий субъекта (*щелкнуть выключателем, зажечь лампу, отодвинуть занавески*), так и без участия последнего: *Сквозь неплотно прикрытые шторы светило солнце. Рисунок на обоях: коричневые ящерицы и желтые черепахи. Тумбочка с лампой. Рыжеватое кресло. Серый пыльный ковер* (Д. Рагозин); *Случайный мелкий дождичек штриховал пятна фонарного света. Бурый массив Ваганьковского кладбища справа от эстакады. С севера фонари, фонари... угрюмая земля, часто расчерченная прямыми линиями железнодорожных путей* (А. Волос).

Препятствием может быть и затуманенность, неотчетливость восприятия при использовании художественного приема "плывущего сознания", когда ощущение нереальности происходящего тормозит мыслительный и перцептивный процесс, позволяя лишь отстраненно фиксировать некоторые зрительные или акустические "картинки", проступающие через пелену восприятия: *Полуобняв Мишу за плечи, я ввел его в столовую. Косой луч солнца из окна ломался в стекле графинов, разбивался*

на брызги на ребрах фужеров. Вдруг я почувствовал, как окаменели под моей рукой плечи Миши. И словно выпрыгнуло на меня лицо Севы – брови на известковом лбу, остекленевшие, широко расставленные глаза. Двиганье стульев, шарканье ног, будничные реплики (В. Тендряков).

3.2.2.4. Состав пространства восприятия изменяется по причине **проникновения нового объекта** в поле зрения Эксперientа: *На станции Левашово с грохотом ввалилась толпа омоновцев... Пятнистые робы, пушистые усы, волнующие запахи смазки и гуталина. Девушки все моментально на них переключились* (В. Попов), в том числе через ситуацию, каузирующую переключение внимания на объект: *Положи это, мальчик! – остановил меня милиционер: синяя форма, серое лицо...* (Г. Сапгир).

3.2.2.5. **Отражение в зеркале** – ситуация, позволяющая "развести" Эксперientа и его отражение как субъект и объект восприятия: *...я перед зеркальной дверью шкафа: мое бледное лицо, прислушивающиеся глаза, губы...* (Е. Замятин); *Заспанный и недовольный доцент Артамонов нащупал выключатель над зеркалом и ...критически сощурился на свое отражение. Сероватая пористая кожа, мешки под глазами, щетина* (Р. Исаков).

Как видим, основным приемом обозначения ситуации зрительного восприятия является изменение перцептивного пространства. Любой, даже семантически "туманный" контекст, предполагающий изменение обзора, задает перцептивную ситуацию.

Средства, подобные рассмотренным выше, используются и при других видах перцепции. Так, в примере *Таня решительно толкнула дверь. Первый удар пришелся по обоянию. Запах кислой сырости, мочи и керосина, но все это протухшее, сгнившее, смертельное...* (Л. Улицкая) задается ситуация восприятия как перцептивной лексикой в НП (*запах*), так и контекстом, косвенно указывающим на "снятие преграды" и проникновение в область восприятия (*толкнула дверь*).

3.3. Отдельная задача – **выявление того, кому приписана роль Эксперientа** по отношению к объектам, перечисленным в НП. Наблюдатель, в НП всегда контекстуальный, эксплицируется в контексте, т.е. теряет статус скрытого участника ситуации восприятия (о контекстном нулевом ранге см. [Падучева 1998а: 94]).

В разговорной речи это обычно говорящий, хотя и здесь возможна ситуация "изображения чужого сознания" [Апресян 1995: 632], когда говорящий сознательно передает "наблюдательный пункт" другому персонажу, который и становится субъектом восприятия, ср.: *Вхожу... Мусор! Бутылки!*, но и: *Входит он в комнату... Мусор! Бутылки!*

Подобным же образом в художественной речи роль субъекта восприятия может принимать персонафицированный повествователь или вообще персонаж, являющийся **фокусом эмпатии автора** [Падучева 1991: 166; 1996: 202–203], в целом, тот, кто является в данный момент рассказчиком, кому передан наблюдательный пункт. Это условие очень строгое и, как мы увидим далее, никогда не нарушается.

В самом простом случае субъект восприятия – это и субъект (действия, состояния или восприятия) предшествующего или – редко – последующего предложения: *Дюшка налетал, бил, промахивался. Санька отбрасывал его от себя, но Дюшка снова налетал, снова бил. Вытаращенные глаза Саньки, скривленные губы Саньки, кулак в судороге* (В. Тендряков); *Наташа отстранилась и посмотрела на него... Молодое лицо, обтянутое кожей, тревожные глаза* (В. Токарева); *Бешеная, хлещущая радость. Я хочу крикнуть...* (Е. Замятин); – *Олег Павлович? ...Никитин обернулся. Круглое, в юношеском румянце лицо, тугой лаковый зачес, серенький пиджачишко-букле с рубашкой-апаши...* (О. Ларин).

Рассмотрим другие возможности, усиливающие эффект "погружения в сознание" эмпатического персонажа.

Субъектом предшествующего высказывания (но не субъектом восприятия) могут быть другие персонажи, выступающие как объекты восприятия неназванного (конечно, только в данном отрезке текста) наблюдателя: *А народ стоял и стоял. От-*

мерзшие синие уши. Ярко-алые носы. Лопнувшая у беспризорника нижняя губа (С. Шаргунов); **Боря Цветик** рассказывал с умудренным пренебрежением. Бело-снежная сорочка, неброского цвета галстук, тугие, гладко выбритые щеки – чистый человек, вынужденный ковыряться в житейских отбросах (В. Тендряков). Субъект восприятия, таким образом, здесь вообще "не попадает в кадр" [Падучева 1998а: 85].

Эксперимент может быть введен в ситуацию в пониженном коммуникативном ранге, занимая эксплицитную позицию пассивного участника ситуации: *...вдруг вопро- сительно поворачивается она ко мне. Загорелое лицо, светлые глаза* (В. Попов) или проявляясь через "инкорпорированных" участников: *Человек оцутил направ- ленный на него взгляд. Кепчонка, ватник, руки заняты чем-то* (В. Тендряков).

Введение в ситуацию восприятия двух участников перцептивного процесса созда- ет усложненный смысловой рисунок, но установление объекта описания происходит все тем же способом: выявлением того, которому принадлежит право на "точку зре- ния" по крайней мере в рамках данного фрагмента текста. Особенно отчетливо этот принцип демонстрируется в ситуации взаимовосприятия – "лицом к лицу": *Он гля- дел мне в переносицу холодными матовыми глазами. Одутловатые щетинистые щеки, птичий нос и... горделиво-алчное выражение непримиримости* (В. Тендря- ков). НП отражает то, что видит именно персонаж-рассказчик (мне), а не второй персонаж (он), даже если последний имеет высший коммуникативный ранг.

В подобных случаях в рамках узкого контекста "подсказкой" может послужить способ обозначения объекта и субъекта перцепции: *Солдат у раковины оглядыва- ется на Меньшикова. Мокрое лицо, затравленный взгляд. Меньшиков засучивает рукава, надевает резиновый фартук, встает рядом, приступает к мытью мисок* (О. Ермаков). Мокрое лицо и затравленный взгляд принадлежит не Меньшикову (субъекту сознания в данном рассказе), а солдату у раковины: дескриптивным выра- жением обычно обозначается неэмпатический персонаж, т.е. объект перцепции. Конечно, в ситуации взаимовосприятия эмпатический повествователь тоже находит- ся "под наблюдением". Но быть описанным с помощью НП ему все равно не грозит: право на высказывание принадлежит только ему.

Единственный случай, когда эмпатический повествователь может быть объектом перцепции – это ситуация самоописания. Для этого необходим выбор "отстранен- ной" точки зрения. Наиболее естественно она создается в ситуации "перед зерка- лом": *Зеркальная стена еще не запотела, и в ней хорошо было видно превосход- во Тараса над новой Валиной пассией... Прямой нос, широкие брови, густые, чер- ные, без серебра, волосы... (О. Новикова); Татьяна скачет на кухню и по дороге натывается на свое отражение в зеркале. Голова с растрепанными волосами, как кокосовый орех. Глаза затравленного зверя (В. Токарева). Второй вариант само- описания – оценка себя со стороны, "чужими" глазами: *Я увидел себя его глазами: зеленое лицо, неверная походка... (А. Каштанов); Она и в этот миг не могла не взи- рать на себя со стороны. Чьими-то чужими, недобрыми глазами. Женскими, муж- скими? Не все ль равно?... И видела... сухое лицо. До времени увядшее. И сухие плечи – мужские, без поката. И огромный нос, который выделялся всегда... И – пятна по щекам, пятна по щекам!* (Б. Голлер)¹.*

Персонаж, от лица которого ведется повествование, может принимать с помо- щью НП в зону своего восприятия перцептивные образы другого персонажа. НП позволяет войти в сферу переживаний и представлений другого лица, воссоздать перцептивную картину вместе с ним, но все равно это будут образы, поданные через призму персонажа-рассказчика: *Я уже понял, зачем она позвала меня. Белые при- вядшие лилии, которые рвут с лодки, заплывая в их заросли, и стебель, протя-*

¹ Данный пример демонстрирует прием парцелляции с трансформацией парцеллятов в са- мостоятельные предложения.

нувшийся со дна, обрывается в глубине. Она была такая накупавшаяся в реке, надъшившаяся, на лице, на руках – свежий загар. И никакая это не командировка, что-то решается в ее жизни. Дай Бог (Г. Бакланов).

В целом, в рамках широкого контекста не возникает никаких затруднений в определении того, кто воспринимает обозначенные в НП объекты и явления (это всегда рассказчик – субъект сознания), и читатель по достоинству оценивает изобразительный эффект при отходе от стандартных способов введения субъекта восприятия.

При начальных, инициальных НП, которые не дают возможности установить ни личность рассказчика, ни основные ориентационные моменты, срабатывает "по умолчанию" прием непосредственного введения в ситуацию, реализуемый как погружение в сферу сознания неопределенного еще субъекта восприятия: *Чувство тоскливого страха с унижительным бессилием желудка и заячьим, ознобным томлением под ложечкой... Стеклоанный аквариум станции накалял ощущение до панического. Татьяна поспешно толкнула дверь* (О. Ларин).

4. Заключительные замечания. Традиционная лингвистика определила основной фактор перцептивности НП – грамматический, дающий своеобразное стилистическое последствие в виде эффекта "наблюдаемости" предметов и явлений. Новые семантические исследования помогают выявить лексико-синтаксические маркеры перцептивной ситуации, уточнить круг НП, действительно включающих фигуру Наблюдателя или – шире – субъекта восприятия. В результате оказывается, что ситуация восприятия, являясь несомненно доминирующим стилистическим приемом², остается лишь возможностью и самим номинативным построением однозначно не задается.

4.1. Существуют номинативные конструкции, которые функционируют просто как номинализованные пропозиции: *Здорово вообще живет! Ни за что на свете по-настоящему не волнуется. Гимнастика, еда, труд* (В. Попов); *Сидя за письменным столом, он задумчиво пошевелил губами, просчитав дозу инсулина. Укол. Можно завтракать* (М. Румер-Зараев); *Можно подумать, что они жили как райские птицы, теща с Павлом Антонычем, да ничего подобного. Вечное напряжение, тревога, разлуки, ночная работа* (Т. Толстая). Ни устранение субъекта действия, ни субстантивное представление события, ни контекстуальное настоящее не задают в них фигуру Наблюдателя.

Не связанные перцептивной ситуацией НП свободно включаются в отношения обусловленности: *Там не пройти – стройка; Он в больнице: инфаркт; Гроза! Побежим домой*, легко становятся частями сложносочиненных и сложноподчиненных предложений: *Шаг в сторону, и окраина города. Дождь, а ты пошел без зонтика, Гроза, а ты на улицу*.

Не предполагают фигуру наблюдающего субъекта и номинативные реализации предложений "актуального наличия", "актуального обладания" [Апресян 1995: 523; Янко 2001: 309–323] с предметными именами в качестве объекта бытия или владения: (Андрей) *Не мог не заметить, однако, что все семечки отправлялись девахой в левую часть рта. Было ли связано это с правосторонней ориентацией человеческого организма? Или всего-навсего – дефект коренных зубов правой, то есть дублирующей, части системы? Пломба в зубе?* (А. Азольский); *И под водой ты не растеряешься – акваланг!* (В. Аксенов); *Он – состоятельный человек. Это несомненно. Двухэтажный кирпичный дом на юге Москвы, в районе коттеджной застройки. Счета в банке* (А. Маринина).

² В перцептивной ситуации употреблено 80% НП из художественной литературы и публицистики при общем объеме картотеки автора в 3000 примеров. В разговорной речи, исключая конструкцию "спокойной созерцательности" [Тарланов 1999: 147], это соотношение, конечно, будет иным.

В таком "активированном" употреблении НП отражают специальные коммуникативные стратегии, подобно глагольным контекстно-зависимым предложениям с неингерентной темой [Янко 2001 182–197]. Переориентируясь на выполнение особых смысловых задач (обоснование, конкретизация, раскрытие признака), эти номинативные высказывания, оставаясь в рамках бытийного логико-синтаксического типа, имеют свои правила синтаксического и стилистического поведения.

4.2. Не является жесткой и связь перцептивной ситуации с бытийным значением последующего номинатива.

Контекст восприятия может сопровождать и другие логико-синтаксические типы предложений. Так, номинативные реализации идентифицирующих предложений вводятся чаще всего именно в ситуации восприятия, напр.: *Ольга Васильевна услышала знакомый голос за спиной, оглянулась Иринка* (Ю. Трифонов), *Вот и еще кто-то подошел с рюмкой Надюша* (И Грекова), *вдруг налетел спиной на что-то мягкое Обернулся – о господи, Сомов!* (Б Акунин), *Вагон, притормаживая, крупно затрясся Мы въехали под гулкие желтые своды Любавь* (В Попов). Ситуация восприятия возможна даже и при неполных реализациях характеризующих предложений, когда пропущено описательно-детализирующее звено *Она цепким взглядом окинула квартиру Неплохо, совсем неплохо Ухоженное жилье, всюду чувствуется аккуратность и вкус* (А. Маринина). Однако введение объекта в сферу перцепции здесь является лишь этапом, предшествующим мыслительной операции идентификации или характеристики, в то время как в предложениях бытийного типа перцептивность представлена как основной канал познания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1995 – Ю Д. *Апресян* Избранные труды Т II Интегральное описание языка и системная лексикография М, 1995
- Апресян 1999 – Ю Д. *Апресян* Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // ИАН СЛЯ 1999 № 4
- Арутюнова, Ширяев 1983 – Н Д. *Арутюнова, Е Н Ширяев* Русское предложение Бытийный тип (структура и значение) М, 1983
- Бондарко 1984 – А В. *Бондарко* Функциональная грамматика Л, 1984
- Бондарко 2001 – А В. *Бондарко* Основы функциональной грамматики Языковая интерпретация идеи времени СПб, 2001
- Гак 1976 – В Г. *Гак* Номинализация сказуемого и устранение субъекта // Синтаксис и стилистика М, 1976
- Грамматика 1970 – Грамматика современного русского литературного языка М, 1970
- Золотова 1971 – Г А. *Золотова* О взаимодействии лексики и грамматики в подклассах имен существительных // Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова М, 1971
- Золотова 1982 – Г А. *Золотова* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса М, 1982
- Золотова и др 1998 – Г А. *Золотова, Н К Ониненко, М Ю Сидорова* Коммуникативная грамматика русского языка М, 1998
- Казаков 1994 – В П. *Казаков* Синтаксис имен действия СПб, 1994
- Кириллова, Примова 1988 – В А. *Кириллова, М Б Примова* Структурно семантические особенности предложений, репрезентирующих ситуации слухового и зрительного восприятия // Идеографические аспекты русской грамматики / Под ред. В А. Белошапковой, И Г. Милославского М, 1988
- Ковтунова 1986 – И И. *Ковтунова* Поэтический синтаксис М, 1986
- Кустова 1998 – Г И. *Кустова* Производные значения с экспериенциальной составляющей // Семиотика и информатика 1998 Вып 36
- Падучева 1991 – Е В. *Падучева* Говорящий субъект речи и субъект сознания // Логический анализ языка Культурные концепты М, 1991
- Падучева 1996 – Е В. *Падучева* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке, Семантика нарратива) М, 1996
- Падучева 1998а – Е В. *Падучева* Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики // Семиотика и информатика 1998 Вып 36

- Падучева 1998б – *Е В Падучева* Наблюдатель и его коммуникативные ранги (о семантике глаголов *появиться* и *показаться*) // НТИ 1998 Сер 2 № 12
- Падучева 2000 – *Е В Падучева* Наблюдатель как Экспериент "за кадром" // Слово в тексте и в словаре М, 2000
- Падучева 2001 – *Е В Падучева* К структуре семантического поля 'восприятие' (на материале глаголов восприятия в русском языке) // ВЯ 2001 № 4
- Проницев 1991 – *В П Проницев* Функционирование именных односоставных конструкций в тексте Предметно-ситуативные номинации Л, 1991
- Тарланов 1999 – *З К Тарланов* Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии Петрозаводск, 1999
- Уфимцева 1977 – *А А Уфимцева* Лексическая номинация (первичная нейтральная) // Языковая номинация Виды наименований М, 1977
- Янко 2001 – *Т Е Янко* Коммуникативные стратегии русской речи М, 2001
- Borschev, Partee 1998 – *V Borschev, В H Partee* Formal and lexical semantics and the genitive in negated existential sentences in Russian // Formal approaches to Slavic linguistics The Connecticut meeting 1997 Ann Arbor Michigan Slavic publications, 1998